

ОТДѢЛЪ II.

1. КРИТИКА.

Б. Тураевъ, *Исследования въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эіопіи* (Записки историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго Университета, часть LXV). С.-Петербургъ, 1902. XIV+453 стр. 8^о.

Исследование г. Тураева, за которое авторъ удостоенъ степени доктора всеобщей исторіи, представляетъ собою введеніе и рядъ отдѣльных историко-критическихъ монографій о житіяхъ эіопскихъ святыхъ за долгій періодъ отъ конца V до конца XVII вѣка. Далекое не весь матеріалъ этого рода приведенъ вообще въ извѣстность; многіе изъ извѣстныхъ и очень, какъ можно догадываться, важныхъ памятниковъ не изданы, и даже въ рукописяхъ остались автору недоступны. Такимъ образомъ матеріалъ, надъ которымъ онъ оперируетъ, далеко не полонъ и даже въ значительной мѣрѣ случаенъ. Кромѣ того, агіологическая литература для исторіи почти всѣхъ эпохъ и націй играетъ роль лишь вспомогательнаго, второстепеннаго источника; а нѣкоторыя, если не многія, изъ использованныхъ г. Тураевымъ житій даже и въ качествѣ такового источника должны быть поставлены весьма невысоко. Что даетъ исторіку, напр., житіе Габра-Манфасъ-Кеддуса, разбѣзжающаго на спинѣ молніи и живущаго, ни много ни мало, 900 (не опечатка) лѣтъ?! Между тѣмъ немалая часть житій подобнаго рода говоритъ о той пресловутой своей темнотой эпохѣ эіопской исторіи (VII—XIII вѣкъ), отъ которой нѣтъ ни лѣтописей, ни актовъ, и для которой, слѣдовательно, агіологическіе, по существу дѣла второстепенные, источники являются чуть не единственными. При такихъ условіяхъ нельзя требовать отъ г. Тураева полной исторіи Эіопіи за періодъ, охватываемый его житіями; вопреки Ассемани, едва ли было бы возможно написать такую исторію даже и по всѣмъ существующимъ житіямъ, какъ совершенно правильно замѣчаетъ самъ нашъ авторъ. Его задача была скромнѣе — выжать изъ своего неблагодарнаго, неподатливаго матеріала все, что сколько нибудь фак-

тически достоверно или характерно для культурной и религиозной жизни, мысли и даже фантазии жителей интересующей его страны. И эта задача выполнена авторомъ безспорно удачно; онъ, вообще говоря, счастливо избѣгъ и Скиллы и Харибды, угрожающихъ изслѣдователю въ его положеніи; онъ не видитъ въ своемъ матеріалѣ ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало, — не пропускаетъ жемчуга сквозь пальцы и не принимаетъ мишуры за золото. Г. Тураевъ давно уже зарекомендовалъ себя, какъ большой любитель и знатокъ богословія и церковности, особенно же — восточнаго церковнаго обряда, обычая и литературы; онъ приступилъ, слѣдовательно, къ своей задачѣ, вооруженный, кромѣ хорошаго метода и природнаго критическаго чутія, всеми нужными вспомогательными знаніями, чѣмъ и объясняется его успѣхъ. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ въ опѣнкѣ г. Тураевымъ фактичности или оригинальности разбираемыхъ имъ извѣстій можно сомнѣваться, то это потому, что вопросъ о литературной зависимости въ памятникахъ этого рода крайне сложенъ и въ иныхъ случаяхъ едвали вообще разрѣшимъ. Иной разъ замѣчательныя совпаденія легендарныхъ чертъ встрѣчаются въ сказаніяхъ, рѣшительно независимыхъ другъ отъ друга; а иной разъ извѣстіе, не возбуждающее само по себѣ никакого недоумѣнія, при ближайшей проверкѣ оказывается подозрительнымъ, и наоборотъ. Такъ, если Валатта-Петросъ старается получить откровеніе посредствомъ двухнедѣльнаго поста, какъ Макарій египетскій, если Габра-Эндреясъ и Маба-Сіонъ молятся, какъ Шенути, стоя по горло въ водѣ; то здѣсь, можетъ быть, не новые агіографы выписывали древнихъ, а сами позднѣйшіе святые подражали подвигамъ древнихъ святыхъ. Подобные примѣры нерѣдки: такъ нашъ преп. Θεодосій печерскій, въ подражаніе св. Макарію скепійскому, боримому демономъ блуда, отдавалъ свою плоть въ болотѣ на съѣденіе комарамъ и т. п. На стр. 87 г. Тураевъ сообщаетъ легенду о томъ, какъ преп. Такла-Хайманоту самъ архангелъ Михаилъ доставилъ муро для освященія табота; читая эти строки, всякій припомнитъ почти тождественный рассказъ Гинкмара реймсакаго о муропомазаніи Хлодвига: стекляница съ муромъ, изъ которой помазывались французскіе короли, принесена была, будто бы, съ неба, по молитвѣ св. Ремигія, бѣлымъ голубемъ, то есть ангеломъ или даже св. Духомъ. Если бы такой или подобный рассказъ читался въ житіи какого нибудь египетскаго подвижника, мы навѣрное заподозрили бы эіопскаго агіографа въ заимствованіи. Съ другой стороны, исторія кончины Такла-Хайманота сама по себѣ вполне вѣроятна: онъ умираетъ отъ моровой язвы, явленія, очень обыкновеннаго въ Эіопіи (см. житіе Валатта-Петросъ); авторъ житія старается даже какъ-бы вынуть жало соблазна изъ факта, что величайшій святой его церкви умеръ такой безславной и мучительной смертью¹⁾, отчего ви-

1) Стр. 91—2: Господь является святому и говоритъ ему: «Ты умрешь отъ моровой повѣтрія, лютою смертью, и Я вмѣню это тебѣ какъ убіеніе, какъ кровь мучениковъ, бывшихъ до тебя. И не только тебя, но и чада твоихъ, которые умрутъ отъ

димось достовѣрности его еще возрастаетъ. Далѣе, по житію Филиппа добра-либаносскаго, умирающій Такла-Хайманотъ нѣсколько неожиданно назначаетъ своимъ преемникомъ не Филиппа, а Елисея; Елисей тоже умираетъ¹⁾ около двухъ мѣсяцевъ спустя (правильно съ 17 августа — 20 октября) и Филиппъ становится игуменомъ. Весь этотъ ходъ событій самъ по себѣ, повторяемъ, вполне вѣроятенъ; но подозрительно близкое сходство его съ исторіей преемниковъ св. Пахомія Великаго: св. Пахомій, какъ извѣстно, умеръ (9 мая) отъ моровой язвы, назначивъ своимъ преемникомъ не апу Θεодора (Освященнаго), а Петрону, который умеръ черезъ два (слишкомъ) мѣсяца (19 іюля), тоже отъ моровой язвы; теперь номинальнымъ игуменомъ дѣлается Орсипси, а Θεодоръ—его полновластнымъ помощникомъ.

Разсуждая о порядкѣ канонизаціи эііопскихъ святыхъ, г. Тураевъ находитъ, что появленіе въ эііопскихъ святцахъ нѣкоторыхъ именъ, напр. Пилата, Александра Великаго, Марка Аврелія, необъяснимо ничѣмъ, кромѣ невѣжества начетчиковъ и отсутствія контроля со стороны высшей іерархіи. Едва-ли съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться. На стр. 278 — 279 г. Тураевъ признаетъ, что эііопскіе грамотеи XVII вѣка, отстанывая свою «чистую вѣру Діоскора», стоятъ въ сущности на точкѣ зрѣнія монофизитовъ V вѣка. А для Египта этой эпохи не только первымъ условіемъ, но прямо ручательствомъ за святость и праведность извѣстнаго лица служатъ непогрѣшительность его догматическихъ мнѣній: этимъ объясняется признаніе святымъ напр. извѣстнаго архіепископа Теофила, гонителя св. Іоанна Златоуста, и ярая ненависть египтянъ къ блаж. Θεодориту и къ папѣ Льву Великому. По существу эта точка зрѣнія есть ничто иное, какъ утрировка общецерковнаго ученія о томъ, что безъ истинной вѣры не можетъ быть и истинно праведной жизни, и наоборотъ, что за праведную жизнь Богъ озаряетъ душу истиннымъ вѣдѣніемъ. Примѣненная къ нехристіанскому міру, эта точка зрѣнія располагала во всѣхъ язычникахъ, съ устъ которыхъ срывались, такъ сказать, намеки на исповѣданіе истиннаго Бога, или на пророчества о новозавѣтныхъ событіяхъ, видѣть лицъ, удостоенныхъ божественнаго озаренія; а если *удостоенныхъ*, то и *достойныхъ* — то есть, праведниковъ и святыхъ. Извѣстно, что св. Климентъ александрійскій зоветъ Платона, Гераклита и Сократа христіанами до Христа; послѣдняго считаетъ спасеннымъ даже Татіанъ сиріецъ. Въ грекоправославныхъ перквахъ можно встрѣтить иконы, гдѣ среди ветхозавѣтныхъ пророковъ фигурируетъ Еврипидъ. Западная церковь, ввиду какъ нравственной чистоты произведеній Вергилія, такъ и извѣстнаго «мессіанскаго» мѣста въ его чет-

---

мора въ пустыни сей, Я причислю къ мученикамъ, и дамъ тебѣ ихъ въ даръ въ царствіи небесномъ».

1) Причина смерти Елисея въ житіи Филиппа не указана; но тамъ о морѣ вовсе нѣтъ рѣчи, и естественнѣе всего предположить, что Елисей умеръ отъ той же причины, что и самъ Такла-Хайманотъ.

вертой эклогѣ, колеблется, не признать ли его если не святымъ, то спасеннымъ, во всякомъ случаѣ — изъятымъ изъ общей участи язычниковъ (см. Дантовъ Адъ *passim* и пѣснь 4). Для древнѣйшей церкви поступать такъ было тѣмъ естественнѣе, что на ея языкѣ спасенный и святой почти синонимы. О лицахъ этого класса, жившихъ послѣ Христа, должны были создаваться легенды, что ихъ «скрытая» праведность вполнѣдствіи выказалась явно; что они или были вполнѣдствіи тайно крещены, или если не крестились, то лишь потому, что не успѣли. Сюда относятся Пилать и Маркъ Аврелій. Чтобы понять отношеніе эіопской церкви къ ихъ памяти, надо исходить не изъ ихъ полнаго и подлиннаго историческаго образа, а изъ данныхъ объ нихъ церковной литературы и легенды. А вѣдь несомнѣнно, что по четвероевангелію Пилать, предавая Христа на распятіе, исповѣдуетъ Его почти столь же рѣшительно, какъ его жена и сотникъ при крестѣ¹⁾. Сотникъ (Логгинъ или Лонгинъ, въ сказаніяхъ то одно, то два лица съ воиномъ, пронзившимъ ребра Спасителя) чествуется вселенской церковью, какъ мученикъ, и въ сказаніи о немъ пресвитера Исихія іерусалимскаго († 433) Пилать рисуется самыми черными красками. Сообразно двойственности данныхъ о Пилатѣ, легенда о немъ пошла по двумъ направленіямъ: одна версія развиваетъ его судьбу по схемѣ исторіи Іуды предателя (въ сказаніи Исихія о Лонгинѣ и въ легендахъ о его ссылкѣ въ Вьенну *Allobrogum*, самоубійствѣ и погребеніи съ его трупомъ на горѣ Пилатѣ); другая — по схемѣ исторіи апостола Петра и сотника Логгина²⁾. Уже евангеліе Никодима зоветъ Пилата «обрѣзанный сердцемъ». Тертуліанъ выражается о немъ: «iam pro conscientia christianus». Изъ того же Тертуліана извѣстно, что донесеніе Пилата Тиверію о дѣлѣ Христа слыло въ церкви настолько благоприятнымъ Христу, что Тиверій, на его основаніи, внесъ, будто бы, рогачію о причисленіи Его къ сонму боговъ — иною рѣчью: церковь II и III вѣка полагала, что въ этомъ донесеніи Пилать исповѣдалъ Христа Богомъ, чудеса Его истинными³⁾, то есть — окончательно увѣривалъ. Правда, по Людольфу, латинскіе отцы вообще неизвѣстны эіопамъ; но Апологетикъ Тертуліана былъ переведенъ на греческій языкъ уже въ III вѣкѣ, глава (5) о рогачіи Тиверія внесена Евсевіемъ въ его церковную исторію (кн. 2, гл. 2); наконецъ какое-то письмо Пилата къ Тиверію цитруется, по Райту, эіопскимъ четвероевангеліемъ (Британскаго Музея № 36); значить эіопской церкви оно извѣстно, и несомнѣнно высоко ею цѣнится, такъ какъ эта церковь вообще почти не дѣлаетъ разницы между апокрифическимъ и каноническимъ. Евангеліе Никодима тоже вѣроятно извѣстно въ Эіопіи, такъ какъ извѣстно имя жены Пилата — Проклы (у Никодима Клавдія Прокула). Коптская церковь, если не опи-

1) Ср. Матѣ. 23, 19 и 24; Іоанна 18, 38 и 19, 4, 6; Іоанна 19, 14, 19—22; Луки 24, 47—48; Марка 15, 39; Матѣ. 27, 54; Іоанна 19, 7—9.

2) См. Horn, *Dissertatio contra fabulas de Pilato christiano*.

3) Юстинъ, *Апология I*, гл. 48.

баюсь, прямо считаетъ Пилата мученикомъ; отсюда вѣроятно идетъ и эіопское чествованіе его. Въ cod. Aethiop. Brit. Mus. 254 по Райту находится дефектное слово на Понтія Пилата епископа Херьякоса¹⁾ бехнесійскаго. Содержаніе слова мнѣ неизвѣстно; но вся рукопись содержитъ преимущественно мученичества (Филимона, 40 мчн. севастійскихъ, Евфиміа, Георгія и проч.); въ людольфовыхъ святцахъ имя Пилата стоитъ вмѣстѣ съ его женой, Проклой, подъ 25 сен.²⁾; все это вмѣстѣ взятое располагаетъ думать, что эіопская церковь вѣруетъ въ мученичество Пилата.

Что касается Марка Аврелія, то г. Тураевъ безспорно правъ, говоря, что передъ лицомъ исторіи это — рѣшительный гонитель христіанъ; но дѣло въ томъ, что онъ совсѣмъ не таковъ въ древнѣйшемъ церковномъ преданіи. Ни Тертуллианъ, ни Лактанцій, ни Евсевій не считаютъ его гонителемъ; его непосредственный современникъ, апологетъ Мелитонъ, еп. сардскій, не хочетъ вѣрить, что христіанъ сталъ разыскивать по его приказу. Тертуллианъ въ «Апологетикѣ» бросаетъ язычникамъ такой смѣлый вызовъ: «Покажите хоть одного противника христіанъ изъ числа столь многихъ, съ тѣхъ поръ (т. е. съ Домциана) и доселѣ бывшихъ, по божески и по человѣчески мудрыхъ государей. Мы же напротивъ выставлемъ защитника — стобитъ разсмотрѣть письмо серьезнѣйшаго (gravissimi) императора *Марка Аврелія*». Какъ авторъ этого-то подложнаго письма или эдикта, гдѣ спасительный дождь приписывается молитвѣ христіанскаго легіона и обвинители христіанъ осуждаются на смерть, и остался Маркъ Аврелій въ памяти церкви эпохи св. Фрументія. Я опять не могу сказать положительно, какъ это преданіе могло перейти въ эіопскую церковь: составъ эіопской святоотеческой бібліотеки изслѣдованъ для этого слишкомъ мало. Несомнѣнно однако, что вообще съ Евсевіемъ эіопы знакомы (Райтъ рукопись 36); и повидимому извѣстенъ имъ и Юстинъ, въ приложеніи къ апологіи котораго сообщается эдиктъ о молвіеносномъ легіонѣ: въ cod. Brit. Mus. 11, листъ 10, по описанію Дилльманна, цитруется толкованіе нѣкоего Юста на Матѣ. 3, 10; у Юстина мученика, въ діалогѣ съ Трифономъ гл. 89, разбираются какъ разъ этотъ и сосѣдніе стихи; другого-же писателя-экзегета съ такимъ или подобнымъ именемъ патристика не знаетъ (отъ Юста ургельскаго, испанца изъ Tagaconensis, VI в., дошло лишь краткое толкованіе Пѣсни Пѣсней, и о немъ эіопская церковь конечно ничего не знаетъ).

Разбирая вопросъ о хронологіи житія Филиппа дабра-либаносскаго³⁾,

1) Вѣроятно = Иерака (не Кириака); см. Болотовъ, Описаніе 4-ой эіопской рукописи С.-Петербургской Духовной Академіи, стр. 27, прим. 23.

2) Пилатъ привѣтствуется за то, что умылъ руки, т. е. на основаніи Матѣ. 23, 24.

3) Кстати: что такое «дабра»? Въ современномъ эіопскомъ языкѣ это слово значитъ «гора»; но эта этимологія не удовлетворяла такого знатока, какъ покойный Болотовъ (Описаніе 4-й эіопской рукописи, стр. 8, прим. 10). При существующемъ разнорѣчии одной неудачной догадкой больше — не бѣда; поэтому рискую предположеніемъ: не

г. Тураевъ не приходитъ ни къ какому рѣшительному заключенію: индпціи, имъ разобранныя, колеблются между XIV—XV и до XVIII в. Намъ кажется, въ пользу болѣе давняго происхожденія — примѣрно до начала XVI вѣка — говоритъ слѣдующее соображеніе. Въ житіи¹⁾ цитруется изъ Дѣяній апостольскихъ гл. 15 ст. 29 въ такой формѣ: «...но заповѣдайте имъ вкратцѣ, да удаляются отъ идолжертвеннаго, и мертвечны, и крови, и растерзаннаго и да не творятъ ближнимъ своимъ того, что ненавидятъ сами²⁾». Подчеркнутыя слова очень интересны по ихъ судьбѣ въ исторіи новозавѣтнаго текста. Ихъ нѣтъ ни въ одномъ греческомъ унциалѣ, кромѣ cod. Bezae, и потому нѣтъ въ греческомъ textus receptus; нѣтъ въ Вульгатѣ; они не толкуются св. Іоанномъ Златоустомъ, то есть, ихъ не было въ первоначальной лукіановско-константинопольской рецензії. Нѣтъ ихъ также ни въ сирской, ни въ арабской, ни въ существующей теперь сѣверно-коптской (бохейрской) версіи³⁾. Зато ихъ цитуютъ Иринеи и Киприанъ, ихъ даетъ кодексъ Безы, и они несомнѣнно читались въ Константинополѣ въ IX—X вѣкѣ, откуда перешли въ славянскіи и русскіи переводы, и, что для насъ особенно важно, они есть въ южно-коптской (сахидской) версіи⁴⁾.

Для удобнѣйшаго сравненія даемъ обѣ коптскія версіи съ подстрочнымъ переводомъ и цитату изъ эѳіопскаго житія въ переводѣ г. Тураева.

Сахидскій пер.	Житіе Филиппа.	Бохейрскій пер.
есагетнѣтѣ еѳол ммооѳ.	да удаляются отъ	ἀρεθ ἐρωτεν саѳол
удалять вамъ себя прочь отъ		удалиться (вамъ прочь)
нѣшоѳт ннеѳωλон. аѳω	идолжертвенна-	ἰμμοѳт нѣшоѳт ннеѳωλон
заколѣнія идоломъ и		отъ закланія идоломъ
песноѳ. мн неѳаѳмоѳ.	го и мертвечны	нем нисноѳ еѳмоѳт
крови и что мертво		и крови что мертво
аѳω тпорнѳа. аѳω не-	и крови и ра-	нем нѳωѳѳ нем нѳ-
и блуда и чего		и удушено и блу-

гождественъ-ли корень эѳіопскаго «добра» съ проблематическимъ еврейскимъ רָצַף откуда רָצַף , степь, собственно *выгонъ, пастбище* (רָצַף говоритъ, $\lambda\alpha\lambda\epsilon\iota\upsilon$; собственно — *мать*, scilicet слова; см. лексиконъ Genesisius'a изд. 13, стр. 167). По смыслу предлагаемая этимологія довольно заманчива (добра = выгонъ = монастырь, сравни $\mu\acute{\alpha}\nu\delta\epsilon\varsigma$ — собств. *загонъ* для скота); но возможна ли она съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія, мы судить не беремся.

1) Тураевъ, стр. 380.

2) Г. Тураевъ сообщил намъ, что точнѣе будетъ: «что ненавидятъ для себя».

3) См. въ Biblia polyglotta и у Tattam'a $\text{нѣшом маѳѳѳ ѳте + ѳлаѳннн ѳѳери}$ (London 1852).

4) См. Woide, Appendix ad editionem Novi Testamenti graeci, Oxford 1799.

тетноѡащотъ ап ет- стерзаннаго и порнiа наг еретенареѡ
 не хотите чтобы да это если соблюдете
 ретшопе м̄мωт̄н. да не творятъ еρωтен саβολ̄ м̄мωот̄
 случалось съ вами себя отъ этого
 м̄праат̄ н̄бе ¹⁾. наг ближнимъ своимъ итенероωб̄ н̄каλωс. от-
 не дѣлайте этого другому это поступите хорошо будь-
 же ететн̄щангаред еρω- того, что ненави- жаг.
 же если соблюдете себя те здоровы.
 т̄н̄ ероот̄. тет̄на - дятъ для себя.
 отъ этого будете бла
 ерщат̄. отжаг.
 гополучны. Будьте здоровы.

Несомнѣнно, авторъ житiя Филиппа, цитую по памяти, имѣлъ въ виду какой то текстъ, переведенный не съ греческаго и не съ бохейрскаго, а съ сахидскаго: онъ знаетъ цѣлую фразу, неизвѣстную бохейрскому переводу, и выраженiе греческаго текста *καὶ πικρῶς* передаетъ какъ и сахидскiй переводчикъ, очень неточно словомъ «мертвечины» (бохейрскiй добавляетъ *nem nioxxo* ²⁾). Какъ извѣстно, эѡиопскiя рукописи св. Писанiя распадаются на 1) списки, воспроизводящiе древнiй переводъ, 2) новые и 3) смѣшанные. Древнiй, IV или V—VI вѣковъ ³⁾, эѡиопскiй переводъ воспроизводитъ александрiйскую или психiеву рецензию текста (если конечно вообще эта рецензиа обнимала весь Н. Завѣтъ, а не четвероевангелие только, какъ выходитъ по Иерониму); по Дилльманну онъ сдѣланъ былъ съ греческаго, по Болотову съ коптскаго, именно съ сахидскаго или древняго бохейрскаго, такъ какъ именно сахидскiй переводъ воспроизводитъ психiеву рецензию. Въ XIII вѣкѣ этотъ древнiй переводъ или вовсе не существовалъ, или сочтенъ былъ слишкомъ одичавшимъ и испорченнымъ, и въ XIV вѣкѣ былъ замѣненъ новымъ или исправленъ аввой Саламой. Работа Саламы состояла въ свѣркѣ эѡиопскаго текста съ сѣверно-коптскимъ (бохейрскимъ) переводомъ, или же съ арабскимъ, сдѣланнымъ съ сѣверно-коптскаго; а это должно было повести къ тому, что въ новой эѡиопской Библии слѣды психiевой рецензиі должны

1) *н̄се* вмѣсто *н̄ке*, какъ перѣдко.

2) Едва ли «растерзанное» эѡиопскаго житiя отвѣчаетъ этому *nioxxo*. Важно, что въ житiи нѣтъ передачи слова *πορνία*, *ипорнiа* (блуда); кажется эѡиопскiй переводчикъ не понялъ этого греческаго слова; не его ли онъ наудачу переводитъ черезъ свое «растерзаннаго»?

3) За IV вѣкѣ говорятъ слова св. Иоанна Златоуста, Бесѣда на ев. отъ Иоанна 2, гл. 2: *Ὁὐ τὰ τοῦ ἰδιώτου καὶ ἀρχιμιάτου (Иоанна апостола) οὕτως (ἐσβέσθη, какъ эллиновъ и Пифагора). ἀλλὰ καὶ Σύροι καὶ Αἰγύπτιοι καὶ Ἰουδαὶ καὶ Αἰθίοπες εἰς τὴν αὐτῶν μεταβαλόντες γλώσσαν τὰ παρὰ τούτου δόγματα εἰσαχθέντα ἔμαθον ἄνθρωποι βάρβαροι φιλοσοφεῖν.*

были стереться, какъ они были стерты въ новыхъ бохейрскихъ рукописяхъ примѣнительно къ употреблявшейся въ Константинополѣ редакціи. Такъ какъ въ современномъ бохейрскомъ нашемъ текстѣ нѣтъ, то значить бохейрскій переводъ былъ исправленъ не по позднѣйшимъ греческимъ спискамъ (гдѣ этотъ текстъ является), а по рецензіи Златоуста. Если авва Салама переводилъ или исправлялъ по этому бохейрскому тексту, то и въ его библии занимающія насъ слова должны были исчезнуть. Между тѣмъ и авторъ житія Филиппа ихъ цитуетъ, и въ списокѣ издателей *Biblia polyglotta* они есть. Оба обстоятельства подкрѣпляютъ во первыхъ мнѣніе Болотова, что до-саламовскій переводъ существовалъ до XIII в. и далѣе, что наша первая редакція (Paris. 32) даетъ именно его, а вторая (Paris. 34) даетъ Саламу¹⁾; во вторыхъ, усиливается вѣроятіе того, что житіе Филиппа писано въ XIV или началѣ XV в., когда новая рецензія еще не возобладала. Наконецъ, еслибы оказалось, что эіопскихъ списковъ Дѣяній *безъ* нашихъ словъ нѣтъ вовсе, то для хронологіи житія наше наблюденіе бесполезно; но въ такомъ случаѣ оно подымаетъ вопросъ: точно ли Салама въ своей работѣ такъ рабски слѣдовалъ за ретушированнымъ бохейрско-арабскимъ текстомъ?

Не рѣшаемся утомлять читателя мелочными замѣчаніями, вродѣ того, что на стр. 205 третье число эіопскаго календаря по недосмотру приравнено 29-му декабря вмѣсто 26-го августа; или, что на стр. 217 слова эіопскаго агіографа («*евангеліе* *сказало*: при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголѣ») напрасно сопровождаются *sic*'омъ (эта цитата есть не только во 2 Коринѣ. 13, 1, но и у Матѣ. 18, 16 и Іоанна 8, 17; источникъ ея во Второзаконіи 19, 15; ср. также Числь 35, 30); или, что за толкованіе имени Августъ чрезъ «сіяніе» (стр. 417) нельзя слишкомъ строго судить агіографа: это толкованіе (конечно отъ *αὐγή*) и у византійцевъ довольно популярно. Замѣтимъ въ заключеніе только объ опечаткахъ: право, ихъ могло бы быть поменьше. Приложенный списокъ ихъ далеко не полонъ. Нѣкоторыя, хотя и немногія, затрудняютъ даже пониманіе (на 95 стр. строка 12/3 снизу «Михаилъ I» вмѣсто «Михаилъ II», «Михаилъ VI» вмѣсто «IV»; 99, строка 9 сверху «замысловъ» чит. «домысловъ»; 130, 10 св. «предшественниковъ» вм. «предшествовавшей»; на стр. 209, 1—3 снизу: «св. Такла-Хайманота . . . . *помануль* (?) Маба-Сіона» и т. п.), а всѣ вообще всеже нѣсколько мѣшаютъ удовольствію при чтеніи прекраснаго труда г. Тураева.

Б. Меліоранскій.

1) Противное мнѣніе, полагая, что древній переводъ исчезъ, считаетъ Paris. 32 за редакцію Саламы, а Paris. 34 за еще позднѣйшій, третій изводъ. Болотовъ возражалъ, что два перевода Библии въ 200 лѣтъ для Эіопіи XIV—XV вв. слишкомъ много; если, какъ доказываетъ г. Тураевъ, Салама жилъ не около 1300 г., а во второй половинѣ XIV вѣка (стр. 129), то аргументъ этотъ еще выигрываетъ въ вѣсѣ: между переводами оказывается уже не 200, а менѣе 150 лѣтъ.